

Раздел IV
ЛЕРМОНТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 4:
ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
М. Ю. ЛЕРМОНТОВА В ДИАЛОГЕ ВРЕМЕН

Л. Н. Житкова

Екатеринбург

«Молитвы» М. Ю. Лермонтова: пафос богопознания

Вопрос о религиозности М. Ю. Лермонтова поставлен давно: можно указать, например, на первого биографа поэта П. А. Висковатова, который писал, что со временем творчество Лермонтова принимало «положительное направление» и он обратился к ценностям «любви и веры» [2, с. 323]. Затем В. Соловьев специально исследовал данную проблему и вынес поэту строгий приговор, обвинив его в демонических претензиях на человекобожие [см.: 9, с. 379]. Д. Мережковский уже после смерти философа «реабилитировал» Лермонтова в статье «М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества» (1908) [см.: 7] и на фоне ницшеанских идей, оттолкнувшись от предложенной В. Г. Белинским (статья о «Герое нашего времени») концепции личности лермонтовского героя, одержимого страстью познания, тоскующей по последней и абсолютной истине, трактовал эту личность как глубоко трагическую.

Современное литературоведение также занято вопросом о природе лермонтовской религиозности [см.: 3; 8; 6, с. 464–465]. Думается, что целесообразно рассматривать религиозно-мировоззренческую позицию поэта не на основании спорадически возникающих отдельных мотивов, например привязывая религиозную тематику к тому или иному периоду жизни и творчества Лермонтова. Вопрос о Боге и вере им был поставлен уже в самом начале творчества — в стихотворении «Молитва» («Не обвиняй меня, Всесильный...») — и оставался актуальным до конца дней поэта, о чем свидетельствует «Благодарность» (1840), не названная молитвой, но по субъектной структуре, семантике и стилю выстроенная как иронически «вывернутая» молитва (логичнее было бы сказать, антимолитва).

Факт обращения к жанру молитвы сам по себе не свидетельствует о глубокой внутренней потребности поэта в религиозном самоопределении, а его «молитвы» («Не осуждай меня, Всесильный...»; «В минуту жизни трудную...»; «Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...», 1839; «Благодарность», 1840), если их воспринимать как единый свертхтекст, системно и парадигматически представляют некую молитвенную философию Лермонтова.

В связи с заявленной философией имеет смысл первоначально обратиться к образу Печорина, поскольку в контексте именно его жизненной судьбы Лермонтов целенаправленно и объективно исследует идею сознания.

Герой Лермонтова хочет понять те начала, на которых стоит мир. Специфика его аналитики состоит в том, что она опирается на идеи «чистого разума». Рационалист ищет истину не в сущем, а в мыслимом через мышление, то есть мышление ищет истину в самом себе для того, чтобы затем вписать действительность в свою понятийно-логическую систему, что не может вывести в онтологию, в бытие, но что, в конечном счете, хотел бы познать герой.

Культивируемое Печориным философствование о жизни достаточно органично вписывается в современные ему культурные тенденции. В философских системах Канта, Фихте, Шеллинга, завершающих классическую эпоху в философии, божественный абсолют хоть и постулируется, но истинным творцом истории здесь всегда выступает субъект, носитель сознания, выпавший из целостности мироздания, обладающий автономным мышлением и изначально заключенной в нем познавательно-волевой способностью. Здесь уже намечается отход от Бога, что в русской культуре XIX в. (если вспомнить Гоголя, Боратынского, Достоевского, К. Леонтьева, философов конца XIX — начала XX в.) осознается как глобальный духовно-культурный кризис.

В. В. Зеньковский, автор «Истории русской философии», в разделе о славянофилах И. Киреевском и А. Хомякове выделил как наиболее важный элемент их доктрины критику рационалистического метода познания [см.: 4, с. 19–21]. Славянофилами, отмечает Зеньковский, выявлены принципиально значимые и необходимые условия истинного знания. Во-первых, рационализм утрачивает живую связь с действительностью — и тогда бытие мира трактуется как диалектика собственного разума, а разум — как самосознание всемирного бытия; как только познавательная работа становится автономной — рождается логическое мышление, рассудок, оторвавшийся роковым образом от реальности. Во-вторых, истинное познание целостно и возможно лишь при условии целостной личности и участия в процессе познания всего состава личности, ее познавательных сил. В-третьих, познание должно сопровождаться понуждением себя к долгу, требованиям строгого соответствия совести и нравственному закону.

Образ Печорина как бы иллюстрирует изложенные тезисы: сознание этого героя лишено какой-либо опоры на реальность, вследствие чего он до конца остается в параллельном пространстве умозрения, чем обусловлена фатальная безрезультатность всех его экспериментов над жизнью. Оберегая приоритетную ценность своего интеллекта как некий закон избранности, Печорин подавляет в себе

естественные человеческие проявления, что порождает эффект раздвоения и распада. Сфера нравственных страданий и понятий (добро, совесть, милосердие, жертвенность и т. д.) остается чуждой Печорину, ибо он не чувствует рядом «другого», чтобы сочувствовать ему.

Перед героем лермонтовского романа логично встает вопрос о сверхличной воле. В главе «Фаталист» он размышляет о судьбах предков, «людей премудрых», которые верили небесным силам и потому совершали подвиги: «Но... какую силу воли придавала им уверенность, что целое небо с своими бесчисленными жителями на них смотрит с участием... неизменным!..» — записывает Печорин в своем дневнике. Себя же он сознает представителем нового исторического времени, представителем «жалких потомков», людей склонных к рефлексии, переходящих «от сомнения к сомнению». «...Мы неспособны более, — продолжает Печорин, — к великим жертвам ни для блага человечества, ни даже для собственного нашего счастья, потому что знаем его невозможность...» [5, с. 343].

В лирике, благодаря ее эстетической специфике, человек воплощается более целостно и позиция автора проявляется в большей степени системно.

Цикл «Молитв» «окольцовывает» уже названные стихотворения «Не обвиняй меня, Всесильный...» и «Благодарность», которые представляют собой исполненные бунта и непримиримости диалоги с Богом, причем напряжение противостояния в «Благодарности» свидетельствует о сохраняемой поэтом до конца пристрастности в отношении к уникальной личности демонического героя, остающегося константой его художественного мира.

Позиция автора в цикле сложнее, богаче в своей диалектике, чем это мы видим в «Герое нашего времени». Даже в названных стихотворениях, в которых начинается и как бы завершается и бескомпромиссно подытоживается разговор с Богом и которые однозначно строятся на мотиве мятежа, богоборческая идея, однако же, воплощается противоречиво: настаивая на праве личности быть свободной от Бога в своей суверенности и самоопределении, автор, по существу, априори признает присутствие в мире Бога как начала начал. Предающийся греховным страстям герой отвергает смирение, которое понимает как безличную покорность, что будто бы альтернативно ценности личностной свободы, что таковой, как известно, не является. В то же время страстные признания в грехах напоминают исповедь, в которой человек мужественно открывает темные и страшные бездны своей души: «Я, Боже, не тебе молюсь...»

Внутри цикла находятся «Молитвы»: «В минуту жизни трудную...» (1837), «Я, Матерь Божия...» (1839), исполненные четкого света и глубокого смирения, что и означает в действительности тот покой и свободу, которых вечно жаждет мятущаяся душа поэта и которые, как выясняется, обретаются через Бога и в Боге. Очевидно также, что на духовные откровения способен только истинно верующий человек, чувствующий сокровенными глубинами своего сердца спасительную силу слов, обращенных к Богу.

В Печорине демонический герой объективирован и критически проанализирован Лермонтовым, что, однако, не означает фронтальной переоценки автором

любимого им художественно-психологического типа. Во второй период творчества самому Лермонтову открывался мир реальных (онтологических) смыслов, по-прежнему вместе с тем оставшийся закрытым для его героев «уединенного сознания» — Печорина, Демона и др. символических воплощений мятущегося духа.

Но вопрос о «вхождении такого героя в реальный мир “простой” и “естественной жизни”, в живую целостность бытия и обретения в результате целостной сущности собственной личности остается открытым как для героя, так и для его автора. Если же нет “внутреннего взаимодействия с бытием”, то нет и основы для духовного познания: “бытие-в-мире” (Хайдеггер) дается только верующему мышлению» [4, с. 20].

Примечательно, что еще Белинский [см.: 1, с. 78–150], а затем Мережковский [см.: 7] пытались наметить для героя Лермонтова метафизический финал, понимая, что обретение истины и смысла жизни возможно лишь на пути к сущему, к онтологии. Белинский «обещал» Печорину итог по Гегелю — через примирение с действительностью и выход к духовному синтезу. Мережковскому представлялось, что демоническая личность поэта чаёт религиозного обновления в идее Богосыновства, обновления веры в познании истинного Христа, Христа евангельского. В обоих случаях важно понимание обоими выдающимися критиками Лермонтова того, что истина пребывает в сущем, в бытии, а не в мышлении индивида и, следовательно, личность, остающаяся в абстрактно-экспериментальном пространстве, не может обрести искомый смысл и обречена на трагический исход и пустоту. Лермонтову, очевидно, введомы эта истина, но он, скорее всего, не готов во имя ее пожертвовать любимым героем. Как о последней позиции поэта, возможно, следует говорить, что это абсолютизация духа мятежа, символическим воплощением которого и является главный герой его произведения.

Лермонтов в итоге не преодолел своего «спора» с Богом, своих сомнений и мучительных противоречий, оставшись в своем двоении, напряженном антиномическом поле отрицания-утверждения верным своей интеллектуальной свободе.

Литература

1. Белинский В. Г. Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова // Белинский В. Г. Собр. соч. : в 9 т. Т. 3. М., 1978.
2. Висковатов П. А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. М., 1987.
3. Ермоленко С. И. Религиозное чувство М. Ю. Лермонтова в лирическом выражении // Лермонтовские чтения — III. Екатеринбург, 2010. С. 6–30.
4. Зеньковский В. В. История русской философии : в 2 т. Т. 1. Ч. 2. Л., 1991.
5. Лермонтов М. Ю. Соч. : в 6 т. Т. 6. М. ; Л., 1957.
6. Лермонтовская энциклопедия. М., 1981.
7. Мережковский Д. С. Лермонтов — Поэт сверхчеловечества // Д. С. Мережковский. В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет. М., 1991. С. 378–415.
8. Мосалева Г. В. Молитвенный Лермонтов // Кормановские чтения. Ижевск, 2005. Вып. 5. С. 33–44.
9. Соловьев В. С. Лермонтов // Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М., 1991.